

A detailed illustration of a man's face, wearing a green surgical mask and yellow-rimmed glasses. He has a serious expression. Below the face, a gloved hand in a yellow surgical glove holds a scalpel, poised for a surgical incision. The background is dark and textured.

ЮРИЙ ЛИФШИЦ

**ПРЕДАТЕЛЬСТВО
ПРОФЕССОРА
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО**

«СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»:
НАБЛЮДЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Юрий Лифшиц

**Предательство профессора
Преображенского. «Собачье
сердце»: наблюдения и заметки**

«Издательские решения»

Лифшиц Ю.

Предательство профессора Преображенского. «Собачье сердце»: наблюдения и заметки / Ю. Лифшиц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859080-1

По мнению автора настоящего исследования, вышедший в 1988 г. прекрасный фильм В. Бортко «Собачье сердце» затмил повесть М. Булгакова, где акценты расставлены совершенно иначе. Анализ «Собачьего сердца», выполненный Ю. Лифшицем, предлагает кардинально иную трактовку произведения, написан остроумно, изысканно, легко и по увлекательности изложения не уступает хорошему детективу. В оформлении обложки использована иллюстрация художника Александра Курочкина, выполненная им по просьбе автора.

ISBN 978-5-44-859080-1

© Лифшиц Ю.
© Издательские решения

Содержание

1. Собачье сердце	6
2. Гениальный пес	8
3. Благодетель	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Предательство профессора Преображенского «Собачье сердце»: наблюдения и заметки

Юрий Лифшиц

К 100-летию Октябрьской революции

*Изучение природы делает человека в конце концов таким же
безжалостным, как и сама природа.*

Г. Уэллс. Остров доктора Моро.

Иллюстратор Александр Курочкин

© Юрий Лифшиц, 2017

© Александр Курочкин, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-9080-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Собачье сердце

В 1988 г. режиссер Владимир Бортко посредством Центрального телевидения представил широкой российской публике свой безусловный шедевр – телефильм «Собачье сердце» (далее – СС), снятый по одноименной повести Михаила Булгакова (далее – МБ). Годом ранее, в 6-й книжке «толстого» журнала «Знамя» она уже была опубликована – впервые в России – и не осталась незамеченной. Неизвестно, какой была бы судьба СС в читательском восприятии без фильма, но потрясающая лента совершенно затмила книгу, навязав ей одну-единственную трактовку, безоговорочно принятую всеми слоями российского общества. Все были в полнейшем восторге. Еще бы! После 70-летней гегемонии рабочего класса невыразимо приятно было смаковать фразы типа «Я не люблю пролетариата», «Разруха не в клозетах, а в головах», «Невозможно в одно и то же время подметать трамвайные пути и устраивать судьбы каких-то иностранных оборванцев» и пр. Фильм был сделан руками убежденного коммуниста, вступившего в ряды КПСС в самом что ни есть зрелом возрасте – 37 лет – и вышедшего из партии в 1991 г. на волне пресловутой перестройки. В 2007 г., однако, Владимир Владимирович снова стал коммунистом, на сей раз вступив в ряды КПРФ. Стало быть, что-то поменялось в мировоззрении режиссера, если он вторично сделался приверженцем тех же самых идей, какие не без помощи МБ столь талантливо высмеял в своей ленте. Впрочем, предполагать можно все, что угодно, а с течением времени не меняются только самые недалекие люди. Есть только один вопрос. Какой была бы трактовка главных образов повести, доведись Бортко снимать СС в настоящее время? Ничего определенного по этому поводу сказать невозможно, но фильм, полагаю, получился бы качественно иной.

Прошло 30 лет. Выкарабкавшись из-под развалин Советского Союза, Россия проделала большой и сложный путь в известном направлении. Началось осмысление того, что раньше принималось исключительно на эмоциях. Эмоции схлынули – заработал разум. Появились статьи, публикации, книги с альтернативными мнениями о повести. Например. «Тем, кто просто-душно или своекорыстно считает чисто положительным героем профессора Преображенского, страдающим от негодяя Шарикова, всеобщего хамства и неустройства новой жизни, стоит вспомнить слова из позднейшей фантастической пьесы Булгакова «Адам и Ева» о чистеньких старичках-профессорах: «По сути дела, старичкам безразлична какая бы то ни было идея, за исключением одной – чтобы экономка вовремя подавала кофе. ... Я боюсь идей! Всякая из них хороша сама по себе, но лишь до того момента, пока старичок-профессор не вооружит ее технически» (В. И. Сахаров. Михаил Булгаков: писатель и власть). Или: «7 и 21 марта 1925 года автор читал повесть в многолюдном собрании «Никитинских субботников». В первом заседании обсуждения не было, а вот потом братья-писатели свое мнение высказали, оно сохранилось в стенограмме (Гос. литературный музей)». Сахаров приводит «их выступления полностью», я же ограничусь только одним, принадлежащим литератору Б. Ник. Жаворонкову: «Это очень яркое литературное явление. С общественной точки зрения – кто герой произведения – Шариков или Преображенский? Преображенский – гениальный мещанин. Интеллигент, [который] принимал участие в революции, а потом испугался своего перерождения. Сатира направлена как раз на такого рода интеллигентов».

А вот еще. «Сатира в „Собачьем сердце“ обоюдоостра: она направлена не только против пролетариев, но и против того, кто, теша себя мыслями о независимости, находится в симбиозе с их выморочной властью. Это повесть о черни и элите, к которым автор относится с одинаковой неприязнью. Но замечательно, что и публика на никитинских субботниках, и читатели советского самиздата в булгаковские 1970-е, и создатели, равно как и зрители фильма „Собачье сердце“ в 1990-е увидели только одну сторону. Эту же сторону, судя по всему, увидела и власть – может быть, поэтому издательская судьба „Собачьего сердца“ сложилась несчаст-

ливо» (А. Н. Варламов. Михаил Булгаков.) «Повесть Булгакова построена таким образом, что в первых главах профессор куражится, причем не только над мелкими советскими сошками, но и над природой, кульминацией чего и становится операция по пересадке гипофиза и семенных желез бездомному псу, а начиная с пятой главы получает за свой кураж по полной от „незаконного сына“, на самом что ни на есть законном основании поселяющегося в одной из тех самых комнат, которыми Филипп Филиппович так дорожит» (там же).

Неожиданно всплыл мало кому известный в России фильм итальянского режиссера Альберто Латтуады, первым экранизовавшем «Собачье сердце» (*Cuore di cane*) в 1976 г. Картина оказалась совместной, итальянско-немецкой, и в немецком прокате называлась «Почему лает господин Бобиков?» (*Warum bellt Herr Bobikow?*). В этой ленте Бобиков, фигурирующий вместо Шарикова, представлен не таким монструозным, как в российском телефильме. Режиссер отнесся к нему с явным сочувствием, показав его несколько глуповатым, нелепым и странным недотепой. Мало того. У тамошнего Бобикова завязываются некоторая, не проявленная до конца связь с «социал-прислужницей» Зиной, относящейся к нему с жалостью и симпатией. Картина итальянца о революционной России, с моей точки зрения, получилась так себе, за одним исключением – блестяще сыгранной Максом фон Сюдовым роли профессора Преображенского. Сюдов решает роль кардинально иначе, нежели великолепный Е. Е. Евстигнеев, тем не менее шведский актер не менее убедителен, чем русский. В целом же, на мой взгляд, В. Бортко внимательным оком рассмотрел картину предшественника, прежде чем приступил к собственной версии.

Я назвал только две книги, но были и другие публикации с разного рода трактовками повести МБ. Накапливались и мои собственные наблюдения, требовавшие письменного воплощения. Но только видеоролик с убедительными размышлениями о произведении известного русского военного историка и археолога Клим Жукова показал: дальнейшее промедление с высказыванием о «Собачем сердце», имеющем подзаголовок «Чудовищная история», подобно отсутствию у меня высказывания как такового. А это далеко не так, в чем возможный читатель, надеюсь, убедится в самое ближайшее время.

Посему – приступим.

2. Гениальный пес

– У-у-у-у-у-гу-гуг-гуу! О, гляньте на меня, я погибаю, – так начинает свои речи «говорящая собачка», ведущая, по воле автора, весьма осмысленные внутренние монологи.

Бедного пса ошпаривает кипятком «Негодяй в грязном колпаке – повар столовой нормального питания служащих Центрального Совета Народного Хозяйства», – отсюда и выше-приведенный вопль. «Какая гадина, а еще пролетарий», – мысленно восклицает пес, аттестующий себя впоследствии, то есть в образе человеческого, как «трудовой элемент». Дело начинается 1924 г., это выяснится из главы II, когда один из пациентов профессора Преображенского, описывая клинические последствия операции, произведенной доктором, заявит:

– 25 лет, клянусь богом, профессор, ничего подобного. Последний раз в 1899-м году в Париже на Рю де ла Пэ.

Что произошло спустя 25 лет после Рю де ла Пэ (улицы Мира в Париже), мы узнаем чуть позже, то есть этого больного, как скажет в свое время разумный пес, «мы разьясим».

Из дневника доктора Борменталья, обстоятельно фиксирующего все стадии хирургического эксперимента своего учителя профессора Преображенского, читатель узнает, что «человек, полученный при лабораторном опыте путем операции на головном мозгу», появился на свет в декабре 1924 г. За день до операции, 22 декабря, ассистент записывает: «Лабораторная собака приблизительно двух лет от роду. Самец. Порода – дворняжка. Кличка – Шарик. ... Питание до поступления к профессору плохое, после недельного пребывания – крайне упитанный». Стало быть, начало нашей истории приходится на 15 декабря 1924 г., а ее финал – на март 1925 г.; об этом говорится в заключительной главе повести: «От мартовского тумана пес по утрам страдал головными болями, которые мучили его кольцом по головному шву». В «Мастере и Маргарите» головными болями будут страдать практически все, с кем так или иначе соприкоснется нечистая сила. Насколько чистой окажется сила профессора Преображенского – увидим. 1924—25 гг. – разгар новой экономической политики (НЭП) страны Советов, временного отката социалистической экономики на капиталистические позиции. Может быть, поэтому профессор Преображенский, чувствуя свою безнаказанность, открыто провозглашает, как заметил осторожный Борменталь, «контрреволюционные вещи».

Место действия СС – столица СССР, а в Москве – доходный калабуховский дом, элитное по тем временам жилье для богатых москвичей, как то «буржуй Саблин», «сахарозаводчик Полозов», ну, и, разумеется, «профессор Преображенский», проживающий в 7-и комнатной квартире, где Шарик в результате сложнейших медицинских эволюций сперва становится Шариковым, потом обратно Шариком.

Рассуждения пса, за вычетом чисто собачьего скуляжа «У-у-у-у-у», выказывают особь, знакомую не только со многими аспектами человеческой жизни, но и способную делать на основе увиденного вполне разумные выводы.

Во-первых, он знает толк в общепитовской кулинарии: «На Неглинном в ресторане „Бар“ жрут дежурное блюдо – грибы, соус пикан по 3 р. 75 к. порция. Это дело на любителя – все равно, что калошу лизать».

Во-вторых, понимает и чувствует музыку: «И если бы не гримза какая-то, что поет на лугу при луне – „милая Аида“ – так, что сердце падает, было бы отлично» (возьмем «Аиду» на заметку: пригодится в дальнейшем). Попутно по поводу словоупотребления «гримза». Арию «Милая Аида» в опере Верди поет начальник дворцовой стражи Радамес, а старой гримзой обычно называют женщин. Однако в толковом словаре Кузнецова сказано, что так говорят вообще «о старом сварливом человеке» без указания пола. Впрочем, собака могла и перепутать, тем более что «Все голоса у всех певцов одинаково мерзкие» (В. Ерофеев. Москва – Петушки).

Пес, в третьих, здраво рассуждает по поводу отношений, проистекающих между мужчинами и женщинами: «Иная машинисточка получает по IX разряду четыре с половиной червонца, ну, правда, любовник ей фильдеперсовы чулочки подарит. Да ведь сколько за этот фильдеперс ей издевательств надо вынести. Ведь он ее не каким-нибудь обыкновенным способом, а подвергает французской любви».

В-четвертых, находится в курсе закулисной стороны человеческого бытия: «Подумать только: 40 копеек из двух блюд, а они оба эти блюда и пятиалтынного не стоят, потому что остальные 25 копеек завхоз уворовал».

В-пятых, умеет читать – научился по вывескам, а это не всякому человеку под силу, особенно в стране, еще не достигшей уровня поголовной грамотности: «Вьюга захлопала из ружья над головой, взметнула громадные буквы полотняного плаката „Возможно ли омоложение?“»

В-шестых, подкован политически. Когда его запирают в ванной перед операцией, пес горестно думает: «Нет, куда уж, ни на какую волю отсюда не уйдешь, зачем лгать... Я барский пес, интеллигентное существо, отведал лучшей жизни. Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злосчастных демократов...»

В-седьмых, в-восьмых... Я бы мог немало еще наговорить об этой достопримечательной собачьей личности, но думаю, сказанного пока что достаточно. После операции над Шариком ассистент профессора, все тот же доктор Борменталь отметит в своем дневнике: «Теперь, проходя по улице, я с тайным ужасом смотрю на встречных псов. Бог их знает, что у них таится в мозгах». Он совершенно прав: чужая душа – космос.

«Дверь через улицу в ярко освещенном магазине хлопнула и из нее показался гражданин», – продолжаю я цитировать поток собачьего сознания. – «Именно гражданин, а не товарищ, и даже – вернее всего, – господин. Ближе – яснее – господин». Уличный пес непостижимым образом узнаёт профессора Преображенского, причем не только по имени, но и по роду занятий. «Этот тухлой солонины лопать не станет, а если где-нибудь ему ее и подадут, поднимет такой скандал, в газеты напишет: меня, Филиппа Филипповича, обкормили». И далее: «А вы сегодня завтракали, вы, величина мирового значения, благодаря мужским половым железам». Именно так – «Филипп Филиппович, вы – величина мирового значения» – в главе VIII назовет Преображенского доктор Борменталь, уговаривая профессора истребить распоясавшегося Шарикова. Заметим: собака и человек называют профессора Преображенского по имени-отчеству.

Намек МБ недвусмыслен: эскулапа благодаря его опытам каждая собака знает, и, разумеется, будущий Шарик-Шариков далеко не первое живое существо, попавшее под скальпель знаменитого доктора, осуществляющего свои эксперименты «мирового значения». Борменталь собака не знает, называя его не иначе как «тяпнутый», то есть укушенный Шариком во время погрома, устроенного перепуганным псом в квартире профессора, перед тем как доктора взяли лечить ему ошпаренный поваром бок.

3. Благодетель

– Фить-фить, – посвистал господин, входя в повествование, как и собака, с междометия. Затем он «отломил кусок колбасы, называемой «особая краковская»», бросил псу «и добавил строгим голосом:

– Бери! Шарик, Шарик!»

Так происходит наречение пса, хотя, строго говоря, называет его этим именем за несколько минут до профессора «барышня» в «кремовых чулочках», под юбкой которой Шарик благодаря порывам «ведьмы сухой метели» заметил «плохо стиранное кружевное бельишко» – откуда и взялись собачьи разглагольствования о фильдиперсах и французской любви. «Опять Шарик. Окрестили», – думает наш пес. – «Да называйте как хотите. За такой исключительный ваш поступок». Подманить колбасой двое суток не евшую, ошпаренную и замерзшую скотинку «господину» труда не составляет. «Бок болел нестерпимо, но Шарик временами забывал о нем, поглощенный одной мыслью – как бы не утерять в сутолоке чудесного видения в шубе и чем-нибудь выразить ему любовь и преданность».

– Здравия желаю, Филипп Филиппович, – прямо-таки с собачьей преданностью приветствует пришедшего швейцар дома в Обуховском переулке, тем самым отчасти подтвердив для читателя интуицию Шарика (имя-отчество господина названы, род занятий еще нет) и внушив псине благоговейный трепет перед своим спасителем и проводником в грядущий мир чистоты, сытости, тепла, уюта и... скальпеля.

«Что это за такое лицо, которое может псов с улицы мимо швейцаров вводить в дом жилищного товарищества?» Ведь, по мнению Шарика, швейцар «во много раз опаснее дворника. Совершенно ненавистная порода. Гаже котов. Живодер в позументе». «Живодер в позументе» по имени Федор «интимно» сообщает Филиппу Филипповичу о вселении «жилтоварищей» «в третью квартиру», а когда «важный песий благодетель» возмутился, добавляет:

– Во все квартиры, Филипп Филиппович, будут вселять, кроме вашей.

Сообщив читателю, кроме этой, еще одну примечательную для нас подробность: «На мраморной площадке повеяло теплом от труб», – автор начинает повествовать о лингвистических способностях Шарика, сопроводив свой рассказа весьма ехидным замечанием: «Ежели вы проживаете в Москве, и хоть какие-нибудь мозги у вас в голове имеются, вы волей-неволей научитесь грамоте, притом безо всяких курсов». И вообще: «Из сорока тысяч московских псов разве уж какой-нибудь совершенный идиот не сумеет сложить из букв слово „колбаса“». Иными словами, если даже собаки ликвидируют собственную безграмотность самостоятельно, то на кой ликбезы людям, по определению, венцам творения? Большевики, однако, полагали иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.